

И.С.Веселова
(Санкт-Петербург)

Прагматика устного рассказа

Устный рассказ во всем разнообразии своих проявлений — случаи, смешные истории, семейные предания, байки о знакомых, рассказы о необъяснимых происшествиях, пересказы и толкования снов, чудеса, слухи, толки и даже сплетни — составляет существенную часть речевой повседневности современного горожанина. Проживая жизнь по усвоенным культурным сценариям, мы, рассказывая, оформляем ее в сюжет.

В отличие от литературы, музыки, сложных фольклорных эпических и лирических форм, требующих природных способностей и специальных навыков, умение рассказывать в разной степени доступно всем. Не будучи отчетливо выделен из потока речи интонационно, мелодически (как песня) или специфическими формулами и поэтикой (как сказка), устный рассказ в большей степени, чем другие жанры фольклора, принадлежит языку повседневного общения. В частности, по этой причине несказочная проза служила до некоторой поры лишь материалом для изучения народных верований и представлений и вошла в сферу специального фольклористического интереса [Чистов 1964; Померанцева 1975; Зиновьев 1987; Криничная 1987] значительно позднее своего «антагониста» — сказки. Так же недавно фольклористы заинтересовались городом и его словесностью. XIX век не оставил нам исследований о городском фольклоре, хотя бытописатели и мемуаристы фиксировали некоторые городские тексты — слухи, пророчества, чудеса, легенды и предания [Пыляев 1889; Пыляев 1891; Гиляровский 1926; Московская старина 1989; Прыжов 1996].

В 1910–1920-х годах Петербург первым находит своих достойных исследователей в лице петербургской школы краеведения, основоположником которой был И.М.Гревс¹. Одним из его учеников был Н.П.Анциферов, автор книг «Быль и миф Петербурга» (в этой книге сюжеты русской литературы связываются с городскими легендами и слухами), «Пути изучения города как социального организма» (здесь «психология» города изучается наряду с его «анатомией и физиологией») [Анциферов 1924; Анциферов 1925]. В 1927 г. была опубликована статья одесского исследователя В.В.Стратена «Творчество городской улицы». В ней он

признает, что «в городе не с сегодняшнего и не со вчерашнего дня существовало своеобразное “народное”, т. е. устное, творчество» [Стратен 1927: 144]. Кроме уже известных к тому времени частушек и романсов, он называет такие жанры, как городские легенды, анекдоты, «толки» (про столкновение Земли с Марсом и про лютую стужу, которая заморозит все). В примечании Стратен добавляет, что слухи эти ходили зимой 1924 г. не только среди базарных торговок, но и в интеллигентской среде, где к слухам прибавляли квазинаучные объяснения. Образцом труда фольклориста на «городской ниве» можно считать изданную в 1928 г. небольшую книжечку Е.З.Баранова, который записал московские легенды в той среде, где они непосредственно бытовали, в живом разговоре, сопровождая записи непременными сведениями о рассказчиках [Баранов 1928]. Свой метод он описывал так: «Собирая в Москве, по таким модным местам, как трактиры и харчевни, произведения устного народного творчества, я, в силу необходимости, избегаю делать дословные записи их, так как, в противном случае, вокруг меня создалась бы атмосфера подозрительности и недоверия, и меня стали бы сторониться, как зачумленного» [Баранов 1928: 39]. К сожалению, столь дружный старт всестороннего исследования города (одновременно проводились работы искусствоведами, лингвистами) был сведен на нет в дальнейшем, и лишь в 80-е годы городской фольклор вышел из небытия [Купеческий бытовой портрет 1925; Иванов 1982].

В зарубежной (в частности, немецкоязычной) фольклористике первой половины века были сделаны существенные шаги по изучению фольклорных нарративов, в том числе и несказочных [Jolles 1929; von Sydow 1939]. После войны сложилось целое направление по изучению так называемой городской легенды (*urban legend*). Т.А.Новичкова характеризует традицию употребления этого термина следующим образом: «Существует ли жанр “городской”, или “современной”, легенды наряду с классической “местной”, религиозной или этиологической? Одни полагают, что ни термин “легенда”, ни название “городская” не отвечают содержанию бытующих устных рассказов (G.Bennet, B.Nicolaisen); другие пользуются разными терминами: “городская легенда”, “городской суеверный рассказ”, “современная легенда”, “странствующая сказка”, “современная городская легенда” (J.Brunvand); третий, обобщая разные исследовательские позиции, предлагают описательное определение (“безавторское повествование, бытующее в нашем индустриализованном обществе как более или менее достоверный рассказ, передаваемый изустно с целью вызвать сенсацию, поразить и рассчитанный на серьезное восприятие: может быть также распространено средствами массовой информации — через радио, телевидение, прессу; при варьируемости деталей ядро рассказа остается неизменным” — U.Wolf-Knats); наконец, наиболее практичные издают сборник за сборником, включая в них популярные в США легенды» [Новичкова 1990: 133–134]. Оживленные теоретические споры ведутся на ежегодных конференциях Международного общества по изучению современной легенды (International Society for Contemporary Legend Research), по их результатам издаются сборники «Perspectives on Contemporary Legend», современному нарративу (преимущественно городскому) посвящаются тематические выпуски журнала «Fabula» [Fabula 1985; Fabula 1990].

Внимание авторов настоящего раздела привлекла несказочная городская проза, противопоставленная сказочной по доминирующей в ней информационной функции [Померанцева 1975: 75–81]. На практике основным маркером «несказочности» текстов служит установка на достоверность, т. е. ссылки внутри текста на реальность прошедшего события (указание времени, места, участников с разнообразными подробностями и прямое подтверждение достоверности). «Сказочную» прозу в современном фольклоре представляет анекдот, которому не свойственны притязания на «достоверность» (см. статью А.Ф.Белоусова в настоящей книге, с. 581–598).

Категория достоверности–недостоверности наиболее значима при назывании повествовательных жанров носителями традиции. Помощь в определении этих названий мне оказал «Русский ассоциативный словарь» [Русский ассоциативный словарь 1994–1996]. Для выявления слов-реакций авторы словаря провели анкетирование студентов (17–25 лет) первых трех курсов различных вузов по спискам слов-стимулов. Достаточно большое количество как стимулов, так и реакций относится к словам, связанным с говорением и общением. Реакции носителей языка акцентируют внимание на категории достоверное–недостоверное: стимулы **сплетня, слухи, байки, анекдот, сказки** неизменно ассоциируются с **брехней, враками**, в то время как стимулы **история, случай, сон, рассказ, новости, чудо** не вызывают таких реакций².

Тем не менее «информационность» (пусть и достоверная) не определяет основной сущности фольклорного текста. Фольклор «как информационный парадокс» не сообщает новое и сенсационное, а транслирует традиционное знание [Лотман 1992: 243–247]. Его задача состоит не в акте передачи информации, а в ее трактовке адресатом и понимании адресантом фольклорного «сообщения». Известный парадокс философии познания гласит: «Знание есть припоминание» (Платон, «Федр»). Понимание чего-либо, таким образом, может состояться только тогда, когда собеседник готов к восприятию текста, стыковка смыслов происходит при наличии «предмнения» и «предрассудка» (которые, в терминологии М.Хайдеггера и Х.-Г.Гадамера, суть плод причастности толкователя предшествующему культурно-историческому опыту, традиции).

Желая того или нет, отдавая себе в том отчет или совершенно неосознанно, мы моделируем свой жизненный сюжет по образцам, взятым из фонда традиции. Мы не самостоятельны в выборе события рассказа, поскольку ориентируемся на его «интересность» для собеседника. Мы оформляем в повествование личный опыт по готовым матрицам и при помощи набора «общих мест»: мотивов, структуры и т. д.

Как уже отмечалось, устный рассказ представляет собой трудноопределимую в речи субстанцию. В аморфной структуре устных сюжетных текстов, основанных на личном опыте (*personal experience stories*), американскому этнолингвисту В.Лабову удалось определить структурную общность из основных эпизодов: *резюме (summary)*, *описание окружающей обстановки или расположение (setting or orientation)*, *осложнение (complication)*, *развязка (resolution)*, *кода (coda)* и *оценка (evaluation)* [Labov, Waletzky 1967: 12–44]. Резюме служит «наживкой» в разговоре: если собеседники «клонут» на предложенную тему, рассказ состоит-

ся. В расположении упоминаются место, время и участники события. Кода возвращает из времени рассказа к моменту рассказывания. Оценка выражается «прямым утверждением, лексическим усилением, приостановкой действия или повторением, символическим действием или суждением третьего лица» [Labov, Waletzky 1967: 38].

Для построения сюжета важны три из названных эпизодов: расположение, осложнение и развязка. Они составляют необходимый минимум для совершения события в тексте. Ю.М.Лотман определял событие как нарушение (осложнение и развязка) героем-действователем семантических границ текста. Границы задаются в бессюжетной части текста (расположении, по Лабову): «Бессюжетные тексты имеют отчетливо классификационный характер, они утверждают некоторый мир и его устройство, <...> незыблемость границ» [Лотман 1970: 286–287].

Материал И.А.Разумовой и И.В.Утехина в настоящей книге показывает, что наряду с сюжетными рассказами в современной городской культуре активно бытуют и бессюжетные формы: реминисценции целого текста, его автономно существующие элементы. И.А.Разумова отмечает, что «записать подробный рассказ об основании города сложно иначе, как от экскурсоводов, учителей и учащихся», в исполнении других категорий горожан «одни и те же мотивы и их сочетания <...> реализуются в кратких текстах, приближающихся к формуле, которые часто воспроизводятся и бытуют на массовом уровне...». Как в повседневных разговорах не изъясняются полными предложениями, а редуцируют общезвестное (область пропозиционального знания) в целях экономии речевых средств, так и при обращении к повествовательным ресурсам горожанам нет необходимости воспроизводить сюжеты целиком. С одной стороны, сюжет помогает в усвоении, запоминании текста (поэтому сюжетные формы воспроизводят те, которые обучают, и те, которые учатся), с другой — он важен в момент актуализации события (например, во время семейного праздника). Существование бессюжетных текстов объясняется их скромной ролью «классификационных», обеспечивающих тылы традиции, подтверждающих существование границы.

Помимо вопроса о построении сюжета повествования, для фольклориста важна его повторяемость и стереотипность содержания. Поэтому в область фольклористических изысканий попадают не все рассказы современных горожан, а только имеющие традиционный сюжет или хотя бы отдельные традиционные мотивы. Профессиональный багаж фольклориста составляет, кроме известных указателей и кодексов, некоторый личный свод сюжетов и мотивов. Если попадается нетривиальный вариант, текст признается фольклорным по факту наличия в нем известных (или похожих на известные) персонажей или атрибутов. Именно эта схожесть бросается в глаза при чтении популярных газет, журналов и других средств *mass media*. Однако наличие демонологических, популярных исторических или «небесных» персонажей не всегда дает право называть текст фольклорным.

Любопытную ипостась повествовательного фольклора представляют собой «заметки» о необъяснимом в популярной прессе (см., например, газеты «Оракул», «Скандалы», «Третий глаз», «Тайная власть», «Новая страшная газета», «Клюк-

ва», «Петербург-экспресс», раздел «Темная комната» в «Комсомольской правде»). В отличие от устных рассказов, включенных в поток живой речи, газетные статьи имеют обозначенные начало и конец повествования. Это, например, визуальные знаки — кегль шрифта, заманчивая картинка, текст в рамке и т. д. Эти знаки предваряют само повествование, служат своего рода имитацией диалога с читателем. Взглянув на них, читатель вправе перелистнуть страницу, отложить чтение или, заинтересовавшись, продолжить поглощение информации.

Как и в устном несказочном фольклоре, газетный текст «о необъяснимом» имеет код достоверности. Помимо места и времени произошедшего события, указываются имена и фамилии свидетелей. Достоверность подтверждает мнение эксперта — тут обозначаются не только фамилия и имя, но и должность, место работы, все возможные и невозможные звания. Текст почти всегда сопровождается фотографией места происшествия, героя, персонажа или их атрибутов: «портрет» вампира или мутанта, снимок мистического места, оживющей скульптуры, могилы или загадочного предмета. Событие текста из сугубо словесного предстаёт зрымым, входит в реальность, близкую читателю, приобретает правдоподобность. Газеты, не сильно дорожащие своей репутацией надежного источника информации, могут вступить с читателем в игру, позволив себе реплики в рамочках — «Сколько в этом правды?» или «Фотография или компьютерный монтаж?».

Важной составляющей таких статеек являются квазинаучные объяснения происшествия, которые, как и мнения экспертов, вписывают таинственное в картину мира современного человека. Квазинаучные истолкования — самый популярный и доступный современному человеку способ переживания столкновения двух миров в некоей «энергетически неблагоприятной» точке, что является сюжетом анализируемых рассказов. «Желтая» пресса продуктивно использует оклоненаучные представления о проявлениях отрицательной и положительной энергии в обыденном мире. Давая свой (компромиссный — не традиционный и не научный) способ истолкования информации, публикации «желтой» прессы чаще всего не предлагают модель поведения (обмен личным опытом, допустимый в непосредственном межличностном общении), а следовательно, исключают дидактическую функцию из целей повествования. Получение знания как сюжет и информация, как цель чтения в результате удвоения трансформируют текст в развлекательный по преимуществу, чему способствует и отсутствие дидактики. Таким образом, во многом похожие на традиционные былички современные газетные заметки «о необъяснимом» существенно отличаются от них функционально. В беседе эти публикации могут служить поводом для разговора «о необъяснимом» и вызывать у собеседников ассоциации со своими случаями из этой области.

Один и тот же текст в зависимости от контекста изложения и установок рассказчика может мигрировать из одного жанрового образования в другое (быть, например, историческим преданием или историческим анекдотом³). Имея в виду, что «риторический уровень организации текста есть структурная экспликация прагматики этого текста» [Адоньева 1998: 77], необходимо обратить внимание, кроме его сюжетных составляющих, и на риторические элементы структуры

текста. Особую значимость, с точки зрения прагматики фольклора, приобретают эпизоды кода и оценка: ведь именно в них рассказчик проговаривается о своих речевых намерениях.

Н.: Вот Вася у нас совсем мяса не ест, наверно, монахом будет.

...
Н.: А мы в Иерусалиме были с Леночкой, она такая, как Марфа, маленькая была. И ничего ни у кого из чужих никогда не брала. Она такая миленькая была, и ей все на улице пытались что-нибудь дать. А она так встанет, глаза отведет и как будто не слышит. Это хорошо, когда ребенок ничего не берет, бережет свой душевный мир, а то люди разные бывают. Сколько грехов у человека может быть, а на вид самый обычный человек. Вот и приехали в монастырь, где Елизавета Федоровна похоронена. А там монахини по детям скучают. Все собирались у нее, как хорошенъкая. И одна монахиня дает ей мандарин. А у них там целая мандариновая роща растет, и они даже варенье из мандаринов варят. Я ей и говорю, она у нас ни у кого ничего не берет. А она говорит: «Ни у кого не берет, а у меня может быть возьмет». Я говорю: «Ну, если возьмет, значит, монахиней будет». И тут Леночка хватает мандарин, очищает его и быстро съедает. Ну, вот и не знаю (со смехом. — И.В.).

Выделенный фрагмент текста заключает в себе правило, на основе которого оцениваются события текста. Существование правила подтверждается его нарушением в таких обстоятельствах, в которых событие приобретает символическое значение. Оценка события реализуется не вербально, но парадонетически [Гаспаров 1978: 89] — в одобрительном смехе.

Для определения иллоктивной силы высказывания (его явных и скрытых целей) важны все «ошметки языка» [Падучева 1996: 224] (просодия, интонация, частицы, обращения, вводные слова). Обращение фиксирует позицию, которую рассказчик занял по отношению к слушателю, вводные слова устанавливают и поддерживают контакт с аудиторией в момент рассказывания, частицы и интонации вместе с другими формами (культурными, семантическими) выражают оценку говорящим своей истории.

Рассказывание историй происходит во время разговора, или налаженного «коммуникативного коридора» (термин С.Б.Адоньевой). Можно сказать, что рассказывание есть реализация разговора, его наиболее продуктивная форма, поскольку предполагает не только сообщение некоей нейтральной информации, но проговаривание своего «я», манифестацию своего жизненного *credo*. Этой манифестации предшествует тщательная подготовка и проверка собеседника, причем кроме верbalной практикуются другие принятые в культуре формы дешифровки адресата (о значении телесного кода, жаргона, костюма в субкультуре хиппи см., например, в статье Т.Б.Щепанской в настоящем издании, с. 34–85. На языке психологии эта ситуация описывается Э.Берном следующим образом: «Времяпрепровождения не только создают структуру времени и обеспечивают участникам взаимно приемлемые “поглаживания”, но и выполняют функцию социального отбора» [Берн 1992: 33].

Нормальным течением разговора и общения считается такое, при котором рассказ является высокой степенью открытости собеседников друг другу. «Недаром среди взрослых признаком инфантильности человека является его наив-

ная готовность все рассказывать» [Осорина 1999: 152]. Любопытным исключением из этого правила служит поведение взрослых людей в поезде дальнего следования: нарративное предъявление себя незнакомым людям при совместном пребывании там происходит тем стремительнее, чем более это пребывание скоротечно. В этом случае собственная открытость и интимность информации компенсируется пониманием, что собеседники не берут ответственности за текст, выполняя роль своеобразной ямки для выговаривания секрета. В других случаях обмен историями происходит на гораздо более протяженном отрезке времени. Интенсивность коммуникации, в частности обмена рассказами, между собеседниками то снижается, то усиливается. Японский «инженер человеческих душ» Юкио Мисима вскользь заметил, что «у мужа и жены, проживших вместе больше трех лет, все серьезные темы для разговоров исчерпаны» [Мисима 1993: 287], т. е. между мужем и женой как собеседниками внутренний ресурс тем для рассказов конечен (при индивидуальной варьируемости срока). Иногда «коммуникативный коридор» вообще закрывается, темы для рассказов и разговоров перестают быть интересными. Выявление обстоятельств «закрытия» коммуникативного коридора представляет собой любопытную задачу, решению которой можно посвятить отдельное исследование.

Возможность рассказывания (обмена рассказами между собеседниками) зависит в свою очередь от разных обстоятельств. Во-первых, это **продолжительность коммуникации** (знакомство в поезде, курортный сезон или совместная жизнь в одной квартире). Во-вторых, **половозрастной статус** собеседников. Например, вечер воспоминаний бывших одноклассников, сослуживцев и т. д. происходит на однажды зафиксированном уровне, что определяет и фиксированный репертуар историй. В другом случае общение на протяжении жизни друзей, замещая предыдущий статусный уровень, может переходить на следующий (от подружек-подростков до подруг-бабушек). В-третьих, **общность мировоззренческой позиции**, credo (опыт религиозного чуда не может быть разделен собеседником-атеистом или материнский рассказ о родах поддержан собеседницей, не имеющей детей).

Разнообразным ситуациям межличностной коммуникации (семьи, молодежной «тусовки», распития пива в пятницу вечером и т. д.) соответствуют специфические темы разговоров и репертуар нарративов (подробнее см.: [Веселова 1998]). В исследованиях, помещенных в настоящей книге, несказочная проза продемонстрирована в следующих контекстах бытования: общегородском, квартирном и семейном. Кроме того, описания повествовательного фольклора есть в разделах о молодежной (хипповские «телеги», байки), туристской (былички о белых спелеологах, черных альпинистах), материнской (стереотипные рассказы о родах) и других субкультурах. Описание контекста бытования повествовательного фольклора дает возможность судить о его аудитории, формах трансмиссии, социальных функциях. И.А.Разумова называет две из них: адаптивную и интегративную. Социум может включать новых членов и тогда в посвятительный период новичка будут вводить в свой круг, постепенно делиться с ним «своим» знанием. Или социуму необходимо поддерживать «свой» круг, проверять контакт внутри себя. Однако внутритекстовые способы адаптации и интеграции могут

быть различными: моделирование общего пространства — ориентационная функция [Веселова 1997], времени (общего прошлого в исторических преданиях) и сопереживание различных эмоциональных состояний — страха (рассказы о сверхъестественном, былички), смеха (случаи), восторга (чудеса). С точки зрения социологов слухи и толки выполняют не столько прогностическую функцию, сколько функции «совместного обдумывания» и «сравнения опыта» в критической ситуации [Shibutani 1966].

Человек моделирует в репертуаре своих рассказов свое пространство (в городских легендах и быличках), свое время (прошедшее — в меморатах, исторических преданиях своей семьи, своего социума; будущее — в пересказах снов, слухах и толках), свои эмоции (в страшных быличках, спасительных чудесах). Ни один из рассказов не есть нейтральная информация, а утверждение себя в мире, определение в нем «своего» (в широком смысле — своего места, своего круга, своего мировоззрения).

Примечания

¹ Профессор Иван Михайлович Грэвс вел (в начале XX в.) в Санкт-Петербургском университете семинар «К теории и практике экскурсий как орудия научного изучения истории в университетах».

² Из списка стимулов для анализа были выбраны слова: *беседа, брехня, враки, вспоминать, говори-* (-ли, -л, -ла, -м, -т, -ите, -ить, -ишь), *пересуды, разговаривать, разговор, рассказать, сказать, случай, сплетни, байки, беседовать, болтать*. Кроме слов, связанных с коммуникацией, говорением, были просмотрены словарные статьи на слова: *сон*, так как рассказывание снов есть форма их вербализации; *интересный и необыкновенный*, поскольку они характеризуют историю.

³ Ср. рассказ «об аресте некоего Поздняка»: [Китайгородская, Розанова 1995: 55; Борев 1992: 194].

Литература

- Адоньева 1998 — Адоньева С.Б. Этнография северорусских причитаний // Бюллетень фонетического фонда русского языка. Приложение № 7. Обрядовая поэзия Русского Севера: плачи. Санкт-Петербург; Бохум, 1998.
- Анциферов 1924 — Анциферов Н.П. Быль и миф Петербурга. Пг., 1924.
- Анциферов 1925 — Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма. Л., 1925.
- Баранов 1928 — Баранов Е.З. Московские легенды. Вып. 1. М., 1928.
- Берн 1992 — Берн Э. Игры, в которые играют люди // Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. Л., 1992.
- Борев 1992 — Борев Ю.Б. Сталиниада и фарисея. Иркутск, 1992.
- Веселова 1997 — Веселова И.С. Заметки к фольклорной карте Москвы // Живая старина. 1997. № 3. С. 10–12.
- Веселова 1998 — Веселова И.С. Логика московской путаницы // Москва и «московский текст» русской культуры. М., 1998. С. 98–118.

- Гаспаров 1978 — Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект // Семантика коннотации и семиотика устной речи: Лингвистическая семантика и семиотика. Тарту, 1978. (Уч. зап. ТГУ. Вып. 442).
- Гиляровский 1926 — Гиляровский В.А. Москва и москвики. М., 1926.
- Зиновьев 1987 — Зиновьев В.П. Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.
- Иванов 1982 — Иванов Е.П. Меткое московское слово: Быт и речь старой Москвы. М., 1982.
- Китайгородская, Розанова 1995 — Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. М., 1995.
- Криничная 1987 — Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987.
- Купеческий бытовой портрет 1925 — Купеческий бытовой портрет XVIII–XX вв. Первая отчетная выставка Историко-бытового отдела Русского музея по работе над экспозицией «Труд и капитал накануне революции». Л., 1925.
- Лотман 1992 — Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992.
- Лотман 1970 — Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
- Мисима 1993 — Мисима Ю. Смерть в середине лета // Мисима Ю. Золотой Храм. СПб., 1993.
- Московская старина 1989 — Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989.
- Новичкова 1990 — Новичкова Т.А. Два мира — земной и космический — в народных легендах // Русская литература. 1990. № 1. С. 132–138.
- Осорина 1999 — Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 1999.
- Падучева 1996 — Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Померанцева 1975 — Померанцева Э.В. Соотношение эстетической и информационной функций в разных жанрах устной прозы // Проблемы фольклора. М., 1975.
- Прыжов 1996 — Прыжов И.Г. 26 московских пророков, юродивых, дур и дураков и другие труды по русской истории и этнографии. СПб.; М., 1996.
- Пыляев 1889 — Пыляев М.И. Старый Петербург. СПб., 1889.
- Пыляев 1891 — Пыляев М.И. Старая Москва. СПб., 1891.
- Русский ассоциативный словарь — Русский ассоциативный словарь. Кн. 1–4 / Ю.И. Каираулов, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов и др. М., 1994–1996.
- Стратен 1927 — Стратен В.В. Творчество городской улицы // Художественный фольклор. Вып. II–III. М., 1927.
- Чистов 1964 — Чистов К.В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. М., 1964.
- Fabula 1985 — Fabula. 26. 3/4. Berlin; New York, 1985.
- Fabula 1990 — Fabula. 31. 1/2. Berlin; New York, 1990.

- Jolles 1929 — *Jolles A. Einfache Formen*. Halle, 1929.
- Labov, Waletzky 1967 — *Labov W., Waletzky J. Narrative Analyses: Oral Version of Personal Experience // Essays on Verbal and Visual Arts / Ed. J.Helm*. Seattle; Washington, 1967.
- Perspectives on Contemporary Legend 1984 — *Perspectives on Contemporary Legend / Ed. P.Smith*. Sheffield, 1984.
- Perspectives on Contemporary Legend 1987 — *Perspectives on Contemporary Legend. II / Ed. G.Bennet, P.Smith and J.D.A.Widdowson*. Sheffield, 1987.
- Perspectives on Contemporary Legend 1988 — *Monsters with Iron Teeth: Perspectives on Contemporary Legend. III / Ed. G.Bennet, P.Smith*. Sheffield, 1988.
- Perspectives on Contemporary Legend 1989 — *The Questing Beast: Perspectives on Contemporary Legend. IV / Ed. G.Bennet, P.Smith*. Sheffield, 1989.
- Shibutani 1966 — *Shibutani T. Improvised News: A Sociological Study of Rumor*. New York, 1966.
- von Sydow 1939 — *von Sydow C.W. Kategorien der Prosa-Volksdichtung // Volkskundliche Gaben John Meier zum 70 Geburtstage dargebracht*. Berlin; Leipzig, 1939.